

от нас внешностью мира явлений.¹

Но мы видели, что внутренний мир есть внутренний только в отношении ко внешнему и что внешний мир не имеет самостоятельного существования, независимо от внутреннего, так что он не более как проявление внутреннего мира; если же мы предположим, что последний имеет особенное существование, отдельное от существования внешнего мира, и особенное конкретное содержание, закрытое от нас и потому и не являющееся нам во внешности, то мы необходимо должны будем допустить и самостоятельное существование внешнего мира, отдельное от внутреннего и противоположное ему. Таким образом, *внешность*, оказавшаяся в нашем исследовании как преходящее и несущественное проявление существенного внутреннего мира, становится теперь самостоятельной, независимой и существенной. Но мы видели, что все развитие сознания заключается именно в том, что оно возвышается над внешностью как над ничтожной и несущественной к существенности внутреннего мира, и это не было наше индивидуальное мнение, но необходимый диалектический ход самого сознания; сама внешность как преходящая и несущественная указывает за себя на существенность внутреннего мира как на единственную истину в противоположность ей как неистинной, ничтожной и несамостоятельной. Итак, мы должны признать внутренний мир за единственную истину, вследствие чего не можем признать существенности и самостоятельности внешнего, потому что по выше доказанному одно отрицает другое. Отвергая же существенность и самостоятельность внешнего мира, мы не можем принять особенного и скрытого существования внутреннего, вся сущность которого состоит именно в том, что он проявляется во внешнем. Кроме этого, если содержание внутреннего мира не проявляется во внешнем, то это – ничтожное, бессильное содержание, не имеющее силы, энергии самоосуществления, а потому и неистинное. Вследствие этого предположение господ эмпириков и теоретиков совершенно нелепо.

Но откуда же происходит это заблуждение, это мнение о мнимой непроницаемости внутреннего мира? Всеобщность внутреннего мира не есть особенный предмет и потому не может быть предметом ни чувственного созерцания, ни опытного наблюдения; каким же образом рассудок находит его? Не иначе как деятельность своего собственного отвлечения от чувственного многообразия внешнего мира. Итак, внутренний мир не найден им во внешности как особенное существование, но есть результат, *произведение* его собственной отвлекающей деятельности. Внутренний мир есть всеобщая отвлеченная мысль, *отвлеченная всеобщность* самого рассудка и, несмотря на это, единственно истинный и существенный *объект*; но, как существенный и истинный, он не может быть пустым; если ж он не пуст, то он имеет конкретное содержание, если ж он имеет конкретное содержание, то по вышеуказанному оно не должно и не может заключаться в себе, но должно иметь энергию самоосуществления,

¹ Мы не можем не привести здесь ответа Гете на одно стихотворение, утверждавшее, что:

Ins Innere der Natur
Dringt kein erschaffner Geist,
Zu glücklich, wenn er nur
Die aussere Schaale weisst.

Гете отвечает на это:

Das hor' ich sechzig Jahre weiderholen,
Und fluche drauf, aber verstohlen:
Natur hat weder Kern, noch Schaale,
Alles ist sie mit einem Male и т. д.

Вовнутрь природы не проникает ни один сотворенный дух, слишком счастливый, если он только знает внешнюю ее оболочку (нем.).

Я это шесть десятков лет слышал,
Хоть втайне, но не негодовал.
Но ты скажи тысячу раз в ответ.
И обильна она, и щедра.
Нет у природы ядра
И скорлупы – нет,
Все она сразу, вот мой ответ.

(Пер. В.Гиппиуса)

Стихотворение И. Гёте – «Несомненно (Физику)» (Собр. соч. Т. I. С. 489).